

Рав Йехуда Гилад: иудаизм не принадлежит религиозным

Религиозный сионизм в Израиле традиционно ассоциируется с правым политическим лагерем, в частности, поселенческим движением. О либеральном крыле «вязаных кип» известно меньше и тем интереснее было знакомство с бывшим депутатом Кнессета от партии МЕЙМАД, главой иешивы в Маале Гильбоа и раввином кибуца Лави Йехудой Гиладом, посетившим Киев по приглашению организации «Мидраша ционит».

— Рав Йехуда, как ваша семья оказалась в Бразилии? В Израиль вы ведь приехали в 7-летнем возрасте.

— Мой отец родился в Польше и репатриировался в Эрец Исраэль с родителями в 1930-е годы. Учился, сражался за Гуш Эцион в Войне за независимость, а после войны встретил мою маму, которая родилась в Германии, но выросла в подмандатной Палестине.

В начале 1950-х — Израиль жил тогда в режиме жесткой экономии — мама тяжело заболела, и врачи сказали: хочешь жить — езжай туда, где достаточно еды.

Жили они впроголодь, и тут подвернулась вакансия посланника в Уругвае — год родители провели в этой стране. Отец был директором школы, мама преподавала иврит, а потом по линии Еврейского агентства отправились в Бразилию, где я и родился. Там поначалу тоже не процветали, когда мама была беременна мной, не на что было приобрести коляску. Однако стали со временем на ноги и вернулись в Страну при первой возможности. В Израиле отец, изучавший в юности право, работал банковским служащим и параллельно ...писал книги по галахе — его комментарии к Раши изданы в пяти томах. Раввином он не был, но считался талмид-хахамом. Вставал в пять утра, учился, писал свои книги, возвращался с работы за полночь...

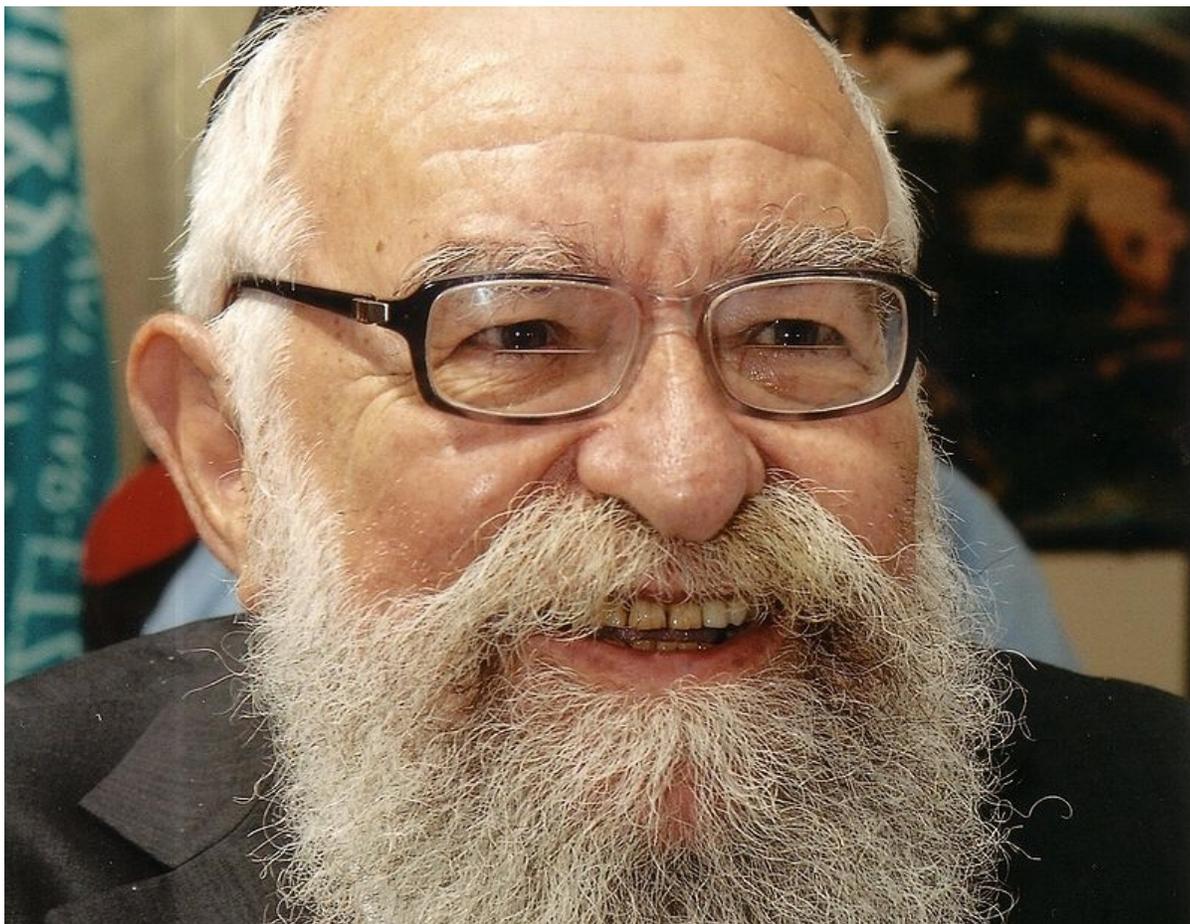
— После службы в ЦАХАЛе вы учились в иешивах «Мерказ а-Рав» и «Хар Эцион», в 25 лет получили раввинскую смиху. Отличалась ли атмосфера в этих главных центрах религиозного сионизма от нынешней?

— Сегодня там больше плюрализма, и очень важно, что и среди раввинов появилась эта полифония. Я, например, более открыт и либерален, что не свидетельствует о меньшей религиозности, другие отличаются консервативным подходом. В рамках религиозного сионизма — одного из наиболее интересных движений в современном Израиле — идет постоянный диалог. Спор обо всем. Думаю, что это движение в правильном направлении. Идет духовный процесс, недаром литературное приложение к поселенческой газете «Макор ришон» считается наиболее интересным во всем Израиле.

— Взгляды вашего учителя и тестя — рава Йехуды Амиталя — легли в основание идеологии правого поселенческого движения Гуш Эмуним. Тем не менее, когда лидеры движения в 1970-е предложили стать ему своим духовным лидером, — он отказался, чем немало их удивил. Что произошло?

— Вы правы — в его мировоззрении произошли определенные изменения. Все религиозные сионисты верят, что возвращение евреев в свою страну — это начало нашего Избавления, божественное провидение, основа основ. Но когда рав Амиталь почувствовал, что тема Эрец Исраэль стала даже не центральной, а практически единственной в повестке дня религиозного сионизма, затмив социальные и другие вопросы, он не смог с этим согласиться. Он полагал, что если отступление с части территорий Эрец Исраэль пойдет на пользу народу Израиля, если действительно прекратится кровопролитие, то это не только галахически оправдано, но является мицвой. Благо народа Израиля он ставил выше блага Земли Израиля.

Сейчас это нерелевантно, поскольку для заключения мира слишком много препятствий, но сам принцип я считаю правильным.

Рав Йехуда Амиталь

На шабате в Киеве ко мне подошел человек со словами, мол, знаю, что ты за возвращение территорий, — приходи ко мне на субботнюю трапезу, и я помогу тебе сделать тшуву. «Если условием достижения *реального* прочного мира будет отступление с части территорий, ты думаешь, что галаха это запрещает?», — спросил я собеседника. И оказались, что у нас нет разногласий. Я тоже считаю, что сегодня нет смысла говорить об отступлении, речь идет о гипотетической ситуации, когда такой шаг станет условием настоящего мира. Но далеко не все раввины согласны даже допустить подобную идею.

— Рав Амиталь — плоть от плоти религиозного сионизма — решил, что национально-религиозный лагерь свернул не в ту сторону. И оказался со своими сторонниками в меньшинстве. Тяжело быть чужим среди своих?

— Непросто. Я дистанцируюсь от разговоров о политике у себя в иешиве, здесь царит плюрализм — как среди студентов, так и раввинов, но... у нас

имидж либеральной и левой иешивы. И далеко не все спешат отправить к нам своих ребят. Слава Б-гу, студентов достаточно, поскольку ряд раввинов направляет своих учеников именно к нам.

Я в хороших отношениях со многими равами, придерживающимися куда более правых, чем я, взглядов. Я уважаю иную точку зрения, и со мной вполне можно не соглашаться, но не надо говорить, что моя позиция противоречит Торе.

Я могу морщиться от идей, распространяемых в иешиве Ар а-Мор, но не оспариваю их легитимность. В моей иешиве есть труды ее раввинов, но в их иешиву не вносят мои книги или книги рава Шерло.

— Название партии МЕЙМАД, которую вы представляли в Кнессете, — аббревиатура словосочетания «еврейское демократическое государство». Собственно, это практически официальное определение государства Израиль. Какой смысл вы и ваши соратники вкладывали в это название?

— Большинство израильтян понимают, что наше государство должно быть еврейским и демократическим. Если оно не будет еврейским, в чем смысл его существования? Но в недемократическом государстве я бы не хотел жить. Демократия на сегодняшний день — наиболее моральная система власти.

Иудаизм и демократия должны дополнять друг друга, хотя с противоположных полюсов нас уверяют, что это вещи несовместимые.

Для меня важно, чтобы религиозные евреи осознали ценность демократии, а светские — важность иудаизма. Иудаизм принадлежит не религиозным, а всем нам — это наше общее наследие. И демократия, без которой невозможно цивилизованное государство, должна стать общенациональной ценностью.

Необходимо прививать ценности демократии религиозному сообществу, а иудаизма — светскому сектору.

— Убийство премьер-министра Рабина в ноябре 1995 года стало поворотным моментом в истории Израиля вообще и движения МЕЙМАД, в частности. Убийца носил вязаную кипу, что бросило тень на ценности религиозно-сионистского образования. Левые использовали это в своих целях, но и правые оказались в замешательстве. Какие мысли и чувства одолевали вас в те дни?

— Что-то очень важное сломалось. Это были дни скорби не только по Рабину, а по идее о том, что еврей (тем более, соблюдающий заповеди) не может убить премьер-министра — еврея. В воздухе витал страх гражданской войны. На тремпиадах многие водители не брали солдат в кипе...

Израиль пережил глубокий шок, но, с другой стороны, повзрослел. И светские, и религиозные осознали, что мир не черно-бел. Начался диалог между различными частями израильского общества — убийство Рабина подстегнуло такое явление, как *мехинот*. Мехина — это своеобразный курс, который юноша или девушка могут пройти по окончании школы — до того, как призваться в ЦАХАЛ. С практической точки зрения это ничего им не дает, кроме... укрепления самосознания и навыков социализации в многомерном израильском обществе. Все начиналось с религиозных мехинот, где изучают традицию и сионизм, потом появились светские и смешанные группы.

Это один из практических выводов, которые общество сделало после убийства Рабина — сейчас между нами больше понимания, меньше стереотипов — мы многому научились. Жаркие споры между правыми и левыми продолжаются, но я не верю, что сегодня может произойти нечто подобное убийству премьера. Достаточно вспомнить процесс размежевания в середине нулевых годов. Было огромное недовольство, демонстрации, но все оставалось в рамках закона.

— МЕЙМАД был частью левых правительственных коалиций, поддержав принцип «два государства для двух народов». А как же святость Земли Израиля, к которой апеллируют ваши соратники/оппоненты из числа правых религиозных сионистов? Левый религиозный сионизм — не оксюморон?

— Я верю, что Земля Израиля принадлежит народу Израиля. Я люблю Иудею и Самарю — Бейт-Эль и Шило, Офру и Хеврон — не меньше, чем лидеры Гуш

Эмуним. Это места, где жили наши праотцы. Мои лучшие друзья живут в Иудее и Самарии, я сам жил в Алон-Швуте, семьи моих сестер — в Гуш Эционе. Поселенцы — одна из лучших частей израильского общества.

Молитва шахарит в кибуце Лави

Но иудаизм — это не только ценности, но и шкала приоритетов. Иногда приходится ампутировать руку, чтобы спасти организм. Это очень больно, но...

Иногда надо уметь уступать. Сегодня это бессмысленно, и я очень далек от левых в этом вопросе. Но, возможно, когда-нибудь, при установлении прочного мира, придется пойти на этот шаг, при всей его болезненности. Так или иначе, с приходом Машиаха, я верю, что у евреев будет вся Эрец Исраэль.

— Один из главных приоритетов движения, к которому вы себя относите, — стремление к социальной справедливости. О чем идет речь?

— Рав Амиталь часто повторял, что статус иудаизма в государстве определяется не числом синагог, иешив или микв, а отношением к больным, неимущим, пожилым и социально незащищенным. Ве-ахавта ле-реаха камоха — возлюби ближнего, как самого себя, — это основа Торы. Моральная ответственность за все, что происходит в стране, не менее важна, чем

соблюдение кашрута и шабата. Поэтому мы — религиозные евреи — должны быть во главе общественных процессов в Государстве Израиль. Это очень важная идея, но сегодня, к сожалению, религиозное сообщество не находится в авангарде борьбы за права обездоленных слоев населения.

Центральным принципом рава Амиталя была концепция «Плачущего ребенка». Это история из наследия Алтер Ребе. В одной комнате сидит рав, изучающий Гемару, в другой — его взрослый сын, корпящий над книгами мудрецов, а в третьей — спит маленький внук. Внук просыпается и начинает плакать. Пожилой раввин встает, успокаивает малыша и спрашивает его отца, почему тот даже не шелохнулся. На что тот, оторвавшись от книги, отвечает, что был так поглощен учебой, что не услышал детский плач. Мораль: если еврей изучает Тору и не слышит при этом плач ребенка, — он делает что-то неправильно.

Крайне важно учить Тору, максимально углубляясь в нее, но вы всегда должны слышать народ Израиля — как в Эрец Исраэль, так и в галуте.

Когда ученики рава Амиталя произносят благословение перед трублением в шофар, они просят услышать и голос плачущего ребенка.

Для иешивы, которой я руковожу, это центральная идея — изучая Тору, не забывать о нуждах народа Израиля.

— Каким вам видится статус-кво в отношениях религии и государства? Оправдана ли монополия раввината в сфере, регулирующей весь жизненный цикл человека, — от запрета общественного транспорта по субботам до вопросов брака, развода, прохождения гиюра и т.п.

— Эти отношения необходимо оздоровить, поскольку иудаизм принадлежит всем, а не только религиозным. Государство должно быть более еврейским, но при этом менее довлеющим над частной жизнью — принуждением мы ничего не достигнем.

Возьмем, например, проблему шабата. Сегодня, к сожалению, множество торговых центров по всей стране функционируют по субботам. Около миллиона людей работают в шабат. Потому что они вынуждены работать. Это не теологическая, а социальная проблема, в решении которой религиозные круги объединяются с левыми. С социальной точки зрения плохо, когда

крупные магазины открыты в шабат, поскольку это вынуждает владельцев небольших лавочек конкурировать с гипермаркетами, нарушая субботу.

В свое время, когда МЕЙМАД был в коалиции, рав Мейдан с профессором Рут Габизон выдвинули инициативу о новом статусе-кво, согласно которому торговые точки в шабат должны быть закрыты, а учреждения культуры — театры, кинотеатры и т.п. — наоборот. Разумеется, с галахической точки зрения я против того, чтобы кинотеатры работали по субботам, но понимаю, что для большинства израильтян это вполне легитимная основа для компромисса.

Такие же точки соприкосновения надо искать в решении проблем гиюра. В этой сфере религиозным истеблишментом была допущена большая ошибка. Мы отчаялись, что главный раввинат изменится, и во главе с равом Нахумом Рабиновичем — одним из крупнейших ныне живущих раввинов — создали независимую систему раввинских судов «Гиюр ке-Галаха». Мы проводим более дружественный, открытый гиюр, ни на йоту при этом не отступая от галахи.

К сожалению, этого недостаточно. Часть репатриантов, отчаявшись, вообще отказалась от идеи гиюра, и это, на мой взгляд, большая потеря для еврейского народа. Эти люди говорят на иврите, служат в армии, они израильтяне и чувствуют себя евреями, в конце концов. Надо открыть двери для тех, кто хочет вернуться и стать частью народа Израиля.

Иешива в Маале Гильбоа

У нас нет будущего в отрыве от иудаизма. Поэтому нам важен каждый еврей, возвращающийся домой во всех смыслах этого слова. Но я оптимист, потому что вижу, что нынешнее израильское общество более еврейское, чем когда бы то ни было.

— По вопросам гендерного равенства и проблемам сексуальных меньшинств у вас тоже особая позиция, отличная от религиозно-сионистского мейнстрима?

— Я верю, что встреча иудаизма и современного постмодернистского мира может нас обогатить. Феминизм, например, не противоречит галахе. В Торе недаром сказано, что мужчина и женщина сотворены по образу и подобию Бога. Некоторые бранят феминисток, я же говорю, что в рамках галахи есть возможности для повышения статуса женщины. У нас в организации Бейт-Гилель есть *рабанийот* — женщины, глубоко изучавшие Гемару, — и это вполне ортодоксальный подход.

У многих женщин возникают те или иные галахические вопросы, в том числе интимного свойства, естественно, что им проще обратиться к соплеменнице, сведущей в галахе, чем к раву — мужчине.

Нет ничего противоречащего галахе в танцах женщин со свитком Торы в Симхат-Тора или в чтении Мегилат Эстер в Пурим — для женской аудитории, разумеется. Женщина может произносить кадиш ятом в соответствующей обстановке. Если хотите, все это можно назвать религиозным феминизмом.

Что касается общины ЛГБТ, то мы, конечно, не можем дать легитимацию однополым отношениям, но обязаны уважать этих людей. Мы же стараемся приблизить к иудаизму евреев, оскверняющих шабат, никто не запрещает им приходить в синагогу. Почему надо иначе относиться к гомосексуалу? Тем более, что оскверняющий субботу мог бы этого не делать, а у гомосексуала такого выбора часто нет. Даже наши оппоненты из числа раввинов признают, что это легитимный подход. И это тот иудаизм, с которым многие готовы ассоциироваться, при том, что галаха остается галахой, и я соблюдаю ее не меньше, чем любой другой рав.

— *Какие основные проблемы стоят, на ваш взгляд, перед государством Израиль, и может ли левый религиозный сионизм предложить пути их решения?*

— Несмотря на все вызовы в сфере безопасности, пришло время обратить внимание на внутренние проблемы. Мы в состоянии построить более справедливое со всех точек зрения общество — настоящее еврейское и демократическое государство. Мы должны стать *ор ла гола* — светочем для народов мира — и с Б-жьей помощью приблизить приход Машиаха.

Беседовал Михаил Гольд